

Про калику

Собиралось тридцать калик да со каликою —
Пошли калики да со каликою,
Пошли тут калики Богу молитися
Ко тому же кресту да Левонидову,
На котором кресте распят наш Исус Христос.
Навстречу каликам Владимир-князь да стольно-киевской,
Воспроговорил каликам перехожим, перехожим да переезжим:
«Уж вы здравствуйте, калики да перехожие,
Перехожиея калики да переезжия,
Вы куда-де да ныне вы, калики, направились?» —
«Мы пошли, калики, да Богу молитися,
Ко тому-де кресту да Левонидову:
На котором кресте распят наш Исус Христос!» —
«Уж вы спойте-ка мне Еленьский стих!»
Востры копыицы калики да воспытыкали,
Они сумочки-котомочки повесили
Да запели они князю Владимиру да Еленьский стих.
У Владимира конь да на коленки пал,
Едва-то Владимир да чуть на коне сидит.
Воспроговорил да старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец казак да сын Иванович:
«Перестаньте, калики, петь Еленьский стих —
Не может князь да стиху слушати!
Едва-то князь чуть на коне сидит —
Не может стиху вашего слушати!»
Перестали калики петь Еленьский стих.
Тут князь Владимир очухался:
«У меня, говорит, калеки перехожие, нечего подать вам:
Денежки взяты по надобью,
А хлебца да взято-де на дорожечку;
Вы пойдите ко княгине ко Опраксии —
Напоит вас княгиня допьяна,
Накормит вас княгиня всех и досыта!»
Приходили они ко княгине ко Апраксии —
Накормила она их досыта

И напоила всех допьяна.
В одного-то калику княгиня влюбилася
И звала к себе в горницы — в спальни спать к себе.
На то-де калика не согласилася:
«Не йду я с тобою да в спальню спать —
У нас тяжкая заповедь положена!»
На то да княгиня осердилася,
Положила чашечку серебряну,
Из которой пьет Владимир-князь, пьет и кушает.
Потом схватилися — чашечки серебряной нету!
И послали за каликами в сугон Добрынюшку Никитича.
Наезжал Добрынюшка Никитич на те же же калик да перехожих:
«Вы зачем-де украли чашечку серебряну
Да у того же да князя Владимира?»
Тут калики осердились,
Добрынюшку по жопочке нахлопали,
Назад-то Добрынюшку отправили —
Чуть-то он едва жив пришел
Ко тому же ко князю ко Владимиру.
Отправил князь стара казаку да Илью Муромца.
Тот наезжал калик да перехожих:
«Ой еси, калики да перехожие,
Перехожие калики да переезжие!
Не попалась ли вам чашечка да по ошибочке,
По ошибочке да чашечка серебряная?»
Тут они стали друг дружку обыскивать,
Нашли у одного калики чашечку серебряну,
И копали эту калику по пояс в землю,
Глаза у его да выкопали,
Язык у калики да с теменем да выдернули
И бросили калику на чистом поле.
Приехал тот Илья Муромец
С той же чашечкой серебряной.
Тут же княгиня испугалася
Звала же князя Владимира:
«Мы поедем, Владимир, во чисто поле
Ко тому же ко калике перехожему,
Предадим же мы тело да сырой земле,
Возьмем-ка попа да со дьяконом,

Отпоем мы тело да белое!»
Стали петь — калика жив сделался,
Да сделался жив, да с глазами он;
Настиг он своих товарищей —
Товарищи его испугались,
Испугались да перепались.
«Ой еси, калики перехожие!
Занапрасно меня вы казнили-то,
Занапрасно меня смерти придали:
Положила мне чашечку княгиня да стольно-киевская,
На меня княгиня да осердилася!»

*(Зап. Е. А. Ляцким, С. В. Мартыновым 10 мая 1904 г.: с. Березники
Мезенского уезда Архангельской губ. — от Кычина Евдокима, 90 лет.
Записано с пения.)*

РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4:
Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.